

От создателя
Тани
Троттер

Омгтрий Емеу

Черная-
черная
простыня

ЭКСМО

Дмитрий Емец

Черная-черная простыня (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162938

Черная-черная простыня. Сборник повестей: Эксмо; Москва; 2004

ISBN 5-699-05624-6

Аннотация

Ну и страху же натерпелся Филька: шутка ли, на спор отправился ночью на кладбище, да еще и в разрытую могилу провалился! Но теперь все позади, и условие пари выполнено: вот оно, первое, что встретилось на пути, – таинственная черная простыня, лежавшая в открытом гробу. Тут бы вздохнуть с облегчением, но оказывается, кошмар не кончился, а еще только начинается! Черная ткань извивается как живая, ослепительно вспыхивает, и наконец на ней из ниоткуда возникают зловещие буквы...

Состав сборника:

1. Черная-черная простыня. Повесть
2. Замурованная мумия. Повесть
3. Гость из склепа. Повесть

Содержание

Черная-черная простыня	4
Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	48
Глава 6	63
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Дмитрий Емец

Черная-черная простыня

Сборник повестей

Черная-черная простыня

Глава 1

ПРОСПОРИЛ!

Жила-была девочка Зиночка с хвостиком-косичкой. Она была хорошенькая девочка, только немного странная, потому что в детстве головкой о качели ударилась. Однажды она нашла на улице маленькую косточку, принесла ее домой и бросила в кипящую на плите кастрюлю. Внезапно вода в кастрюле забурлила, и оттуда раздался жуткий голос: «И после смерти мне покоя нет! Сегодня ночью готовься к смерти, девочка! Я, Скелет-Душитель, приду за тобой!»

Зиночка испугалась и стала думать, что ей делать. Думала-думала и придумала. Разбила копилку, купила в магазине десять пачек пластилина и слепила из них большую куклу. Эту куклу она положила под одеяло, а сама взяла

большой рупор и спряталась.

Ночью она услышала шорох. Со всех сторон в комнату сползались кости, пока, наконец, не собрался огромный скелет. Скелет подкрался к кровати и, дождавшись, пока прирастет та самая первая косточка из кастрюли, прыгнул на пластилиновую куклу и стал ее душить.

В этот миг девочка Зиночка закричала в рупор: «Я Смерть! Почему кости по земле, не спросившись у меня, бегают?»

Скелет испугался и убежал с прилипшей к нему куклой. Больше он не приходил.

Правдивые истории про девочку Зиночку

1

– Ты проспорил! – сказала, как отрубил, Анька Иванова. Филька Хитров, невысокий, юркий, похожий на встрепанного воробья семиклассник, удрученно вздохнул. Он понял это давно, но упорно не хотел соглашаться. И дернул его черт за язык! Но признавать свое поражение он не желал, и на то у него была очень веская причина.

– Ничего подобного, – заупрямился он. – Ты сказала, что районку раньше второго не дадут. А я сказал, что дадут, потому что...

– Хитров! Стоп! – Анька повысила голос.

– Чего «стоп»?

– На каком уроке она была?

– Ну, на втором... Но первого-то вообще не было... А значит, второй и был первый... То есть в том смысле первый, что раз первого не было, то второй стал как бы первый...

– Хитро-ов!!! Ты меня за дурочку не держи! Давай у Петьки спросим! Мокренко, на каком уроке была контрольная: на первом или на втором?

Сразу две пары глаз – серые Анькины и голубые хитровские – настойчиво уставились на толстяка Петьку. Мокренко неуютно заерзал на подоконнике и едва не подавился трехслойным бутербродом, которым в данный конкретный момент подпитывал свои силы.

– Ну... э-э... – замылся он, виновато косясь на Фильку. – Вообще-то, если честно, она была *на втором*.

Анька издала торжествующий вопль.

– Вот видишь!

– Эх ты, а я-то думал, ты мне друг, – сказал Филька, с ледяным презрением глядя на Мокренко.

Однако круглая Петькина физиономия, обсыпанная по подбородку мелкими крошками, выражала: «Хитров, ты мне друг, но истина дороже!»

– А что я такого сказал? Только то, что урок-то был второй, – пробурчал Петька.

Приняв решение, Филька твердо посмотрел на Иванову. В седьмом «А» она была известна как первейшая спорщица. Так, с литератором она спорила, что он не знает, как звали

бабушку Пушкина, а с математичкой – что та не помнит числа «пи» до седьмого знака включительно. После десятка подобных споров учителя стали вздрагивать при любом звуке Анькиного голоса и смотрели на ее парту так, будто на ней лежал чемодан с тротилом, а сама Иванова держала в руках взрыватель. Но теперь дело было даже не в этом. Дело было в принципе: сможет он или нет.

– Хорошо. Я проспорил, и я *это* сделаю, – сказал Хитров.

Анька Иванова, готовившаяся к новому натиску, от неожиданности осеклась. Кажется, она и сама не принимала этого спора всерьез.

– Сделашь? – недоверчиво спросила она.

– Да. Сегодня же ночью я пойду на кладбище и принесу то первое, что мне попадет. Мы же на это спорили?

– Да, на это, – подтвердила Иванова.

С той самой минуты, когда она поняла, что Филька не шутит, в ее голосе уже не было торжества.

– Седьмой «А»! Где вы там? На урок! – крикнула, проходя мимо, седовласая, с высокой прической учительница.

«Кладбище! Неужели я в самом деле туда потащусь?» – с ужасом подумал Хитров.

2

Поздним вечером, когда родители улеглись спать, Филька незаметно выскользнул из дому и выкатил из гаража ве-

лосипед. При этом машина деда предупреждающе вякнула и моргнула фарами. Хитров опасливо покосился на свои окна.

«Ишь! Заложить меня хочет! Но теперь отступить поздно», – подумал он, поспешно захлопывая гараж.

Было сыро. Шины велосипеда глубоко отпечатывались на влажной земле. Когда Филька проезжал через лужицы, под колесами трескался лед. Бр-р! И противное же это время – конец октября.

Обогнув гаражи и детский сад, Филька нырнул в переулок, срезал дворами и, выехав на шоссе, направился в сторону парка. Автомобилей почти не было. Один только раз мимо, мерцая сиреной, пролетела белая, с красной полосой, машина «Скорой помощи». Мелькнуло желтоватое, склоненное к рулю лицо водителя, похожее на лицо живого мертвеца, а врач в халате, чуть повернув голову, погрозил Фильке пальцем. Обогнав велосипед, автомобиль с гулом скрылся за поворотом. Встреча со «Скорой» показалась подростку недобрый знаком.

«И угораздило меня поспорить с Ивановой! Ее переспорить – все равно что тапкой танк раздавить», – подумал он.

Однако Филька отлично понимал: истинная причина того, что он спорил с Анькой и, проспорив, исполнял обязательства, состояла в том, что Иванова ему нравилась. Нравилась, пожалуй, только ему, потому что красавицей ее назвать было сложно. У Ивановой были выпуклые круглые очки с такими стеклами, что толще бывает только оптический

прицел, и нос самой въедливой формы. Но Фильке она нравилась не за очки и за нос, а за что-то другое, неуловимое, что он затруднился бы выразить словами, но что и было самой Анькой. Если бы не это, никакой спор не погнал бы его ночью на кладбище.

«И что я, интересно, принесу ей? Кость? Памятник? Вот гад Мокренко, не мог другу подыграть! Ну ничего, толстый: попроси меня теперь починить компьютер!» – недовольно размышлял Филька.

Вскоре он уже протискивался с велосипедом в пролом в парковой ограде, где в железном заборе кем-то заботливо спилены были два прута. Лазейка эта была особенной – сколько раз ее ни заваривали, ни мазали края солидолом, ни обматывали колючей проволокой, через несколько дней она появлялась вновь.

Ночь была светлая. Луна – круглая, желтая, как совиный глаз, – отблескивала на полуспортивном руле. Она же купалась во всех лужах, в которых, кроме луны, плавало еще и множество листьев. Черные стволы деревьев, похожие на колонны, неохотно раздвигались и скользили назад, пропуская велосипед.

«Сейчас все время прямо! А потом на аллее забрать чуть правее», – прикидывал Хитров, торопливо вращая педали.

Вскоре впереди показался длинный ряд железных копий с устремленными вверх наконечниками. Это и была ограда старого кладбища, на котором уже около полувека никого не

хоронили. С каждым годом кладбище все больше зарастало кустарником и деревьями, сливаясь с лесом. Ограда ветшала и обваливалась, во многих местах обнажая черные камни позабытых надгробий.

Недалеко от ограды Филька затормозил и чутко прислушался, продолжая на всякий случай держаться за руль. В облетевших вершинах гудел ветер. Из-за кладбищенского забора доносился скрип: то ли дерево терлось о дерево, то ли раскачивались древние кресты. Облизав губы, Хитров осторожно прислонил велосипед к дереву. Если бы не этот дурацкий спор, он не сунулся бы сюда даже и днем – такой ужас внушало ему, да и всем, старое кладбище. Ходили слухи, что здесь пропадают люди. Теперь же делать нечего: приходилось держать слово.

Присев рядом с велосипедом на корточки, Филька посмотрел на часы. Было без пяти двенадцать. Мокренко с Анькой Ивановой должны были вот-вот появиться. Хитров с опаской прислушивался к далеким кладбищенским шорохам и стал ждать. Прошло десять минут, потом еще десять – они все не появлялись.

«Задрыхли, сони! А я, олух, поперся в такую даль! Ну ничего, задам я им завтра! А теперь домой, домой...» – не без облегчения подумал Филька.

Он уже подошел к велосипеду, как вдруг чья-то тяжелая рука неумолимо опустилась ему на плечо, буквально вдавив его в землю.

– Добро пожаловать в деревню мертвецов! – пророкотал кто-то в самое его ухо.

Завопив, Хитров что было сил рванулся и тотчас услышал хохот Мокренко. Рядом с Петькой, пряча ладони в рукава, жалась Анька Иванова. Чуть в стороне лежал велосипед.

– Испугался! – обрадовался Петька. – Так и знал, что испугаешься! Специально подкрадывались! Эй, эй, без рук!.. Ну что, идешь на кладбище?

– Иду! – успокаиваясь, проворчал Хитров. Теперь, когда приятели были рядом, ему не было уже так жутко. – Чего вы так долго?

– А мы на одном велике. У моего шины сдуты, – сказал Мокренко. – Меня – ха-ха! – на раме везли!

Его зловещая – в свете луны – физиономия буквально засияла от радости. Толстяку забавно было, что его, такую громадину, везла на раме девчонка.

– Я предлагал, чтобы наоборот, она не согласилась, – в свое оправдание сказал Мокренко.

– Ну уж нет. Я свою технику никому не доверяю, – заявила Анька.

Отвечая Петьке, она неотрывно смотрела на Хитрова и словно испытывала его.

– Значит, не передумал?

– Нет. Ждите меня тут... Не отходите от моего велика.

Повернувшись, Филька направился сквозь голо торчащие ветви кустарника к кладбищу. Двадцать шагов, еще два-

дцать... Теперь всего несколько метров отделяло его от темного пролома в ограде, за которым жутко белели старинные кресты и громоздились замшелые, со стершимися буквами надгробия.

«Пусть Анька видит, что я не трус. Взять первое, что встречу!» – напомнил Филька сам себе условия пари.

3

Тревожно озираясь, он пробирался между надгробиями. Под ногами, под слоем листьев, пружинила влажная земля. Покосившиеся кресты, скорбные, воздетые кверху ветви голых деревьев, замшелые камни, в неровностях которых отблескивала луна. В темноте что-то скрипело, шуршало, чавкало. Десятки разнообразных звуков от шороха листьев до тонкого прерывистого свиста доносились со всех сторон – и по меньшей мере половине из них нельзя было дать никакого объяснения.

Филька то замирал, то прижимался к деревьям, то чутко всматривался в темноту, пытаясь понять, что там впереди. В какой-то миг ему почудилось, что из-за дерева на него смотрит мертвенно-синяя женщина. Он шарахнулся было назад, но, споткнувшись, упал. Женщина осталась неподвижной, и Филька понял, что это статуя. Нерешительно подойдя ближе, он увидел обелиск, похожий на маленькую беседку с колоннами, которые прежде принял за деревья. Каменная пла-

кальщица, напугавшая мальчика, стояла на коленях внутри этой беседки, воздев руки.

«Надворный советник

Олимпийцев Гервасий Иванович.

Скончался 14 мая 1896 года.

Всех лет его жизни было 46.

Ты был любим.

От скорбящей вдовы и детей», —

разобрал он надпись на памятнике.

Рассердившись на себя за то, что испугался статуи, Хитров решительно двинулся вперед, огибая сохранившиеся кое-где оградки могил. Он был так зол на себя за этот необоснованный страх, что почти не смотрел, куда идет. Внезапно земля ушла у него из-под ног, и с громким воплем мальчик провалился в яму, больно проехавшись спиной по насыпи.

Ударившись ногами обо что-то твердое, Филька мгновенно вскочил и стал карабкаться наружу, но не тут-то было. Сколько он ни подпрыгивал, руки его не доставали до края. Глина же была слишком скользкой.

После десятой неудачной попытки Хитров взял себя в руки.

«Спокойно! Если я буду звать на помощь, то опозорюсь. Или еще, чего доброго, Мокренко с Анькой услышат, перепугаются и чесанут отсюда. А я сиди до утра. Надо вначале понять, куда я провалился».

Ощупав края ямы, Филька убедился в том, что она четырехугольной формы, довольно узкая и вообще больше всего напоминает разрытую могилу. При одной мысли об этом Хитров похолодел и в слепом ужасе стал карабкаться. Он подпрыгивал, упирался ногами в глину и пытался подтянуться, но раз за разом срывался.

В очередной раз осознав, что так у него ничего не получится, Филька присел на корточки и задумался. В этот момент луна злорадно высунула свой желтый циклопический глаз из-за тучи и осветила внутренность ямы. Цепеная от ужаса, Хитров увидел гроб. Крышка его была немного сдвинута. Это об нее Филька, видимо, стукнулся, когда упал. Снаружи гроб был обит темной тканью, по которой ползали белые упитанные личинки.

Замирая, Хитров шагнул к гробу и заглянул в него. Он ожидал увидеть там все, что угодно, – мертвеца, скелет, червей, но то, что он увидел, было еще ужаснее.

Внутри гроб был пуст. Лишь белела отлично сохранившаяся ткань, на которой в двух местах расплывались темные пятна неизвестного происхождения. В изголовье гроба лежала аккуратно свернутая черная простыня.

Рассматривая крышку гроба, мальчик обнаружил, что она необычной формы. Через равные промежутки в ней были проделаны отверстия, превращавшие крышку в отличную лестницу, если поставить ее наклонно.

Отскочив, Филька прижался спиной к краю ямы и закрыл

глаза. Сердце колотилось так, будто было птицей, а грудь клеткой, из которой птица во что бы то ни стало стремилась вырваться.

– Свежая разрытая могила... пустой гроб... крышка-лестница... Нет, не может быть... – бормотал Хитров.

Все эти признаки подводили его к единственному предположению, которое было так ужасно, что он не мог, не желал в него поверить. В любом случае яму нужно было покидать, и чем скорее, тем лучше. Стащив с гроба крышку, оказавшуюся совсем легкой, Филька поставил ее вертикально и с ужасом осознал, что крышка как раз такой длины, какая нужна, чтобы упереться в край разрытой могилы.

Уже поставив ногу на первую «ступеньку», Хитров внезапно вспомнил о пари и, просунув руку в гроб, схватил черную простыню. Потом он долго не мог понять, что именно заставило его так поступить. Взлетев по крышке вверх, он ногой толкнул ее вниз, а сам, подгоняемый ужасом, комкая в руке черную простыню, метнулся напролом к тому месту, где ждали его приятели.

Ветки хлестали по лицу, листья шуршали, со всех сторон и даже из-под земли доносились неясные, смазанные и оттого еще более жуткие звуки. Филька пулей несся по тропинке, перепрыгивая через оградки могил, и мерещилось ему, будто он слышит мерный топот преследующих его неумолимых ног.

Хитров был слишком перепуган, чтобы найти тот провал

в заборе, через который он пробрался на кладбище, а потому перелез через железные копыя ограды и побежал вдоль нее к тому месту, где у велосипедов ждали его друзья.

Увидев Фильку, белого как мел, перемазанного с ног до головы глиной, сжимавшего в руке скомканную черную простыню, Анька отшатнулась и сразу схватилась за руль велосипеда, пораженный же Мокренко хотел что-то спросить, но не смог ничего выговорить и лишь замычал.

Все еще не очень соображая, что он и зачем делает, Филька защемил черную простыню багажником, и уже минуту спустя два спортивных велосипеда стремительно понеслись по разбухшей осенней аллее прочь от этого места.

Глава 2

СОЛЯНЫЕ ФИГУРКИ

Однажды девочке Зиночке с хвостиком-косичкой подарили трехколесный велосипед, и она поехала кататься на кладбище. Стала Зиночка кататься и не заметила, как до самой ночи прокаталась. Вдруг видит: земля разверзлась, и вылез мертвец. Сам тощий, ноги длинные, а рук вообще нет.

«Я Мертвец-быстроход! У меня каждый шаг по сто метров. Давай наперегонки: ты на велосипеде, а я пешком. Если догонию – сожру!» – говорит он девочке Зиночке.

Зиночка видит, что никак ей мертвеца не обогнать, а отказаться нельзя.

«Хорошо, – говорит Зиночка. – Только мы иначе сделаем. Мне велосипед не нужен. Я к тебе на плечи сяду и руку вперед протяну. Если ты мою руку догонишь, тогда меня сожрешь».

Вскарабкалась она к мертвецу на плечи, протянула вперед руку, и мертвец побежал. Несется быстрее гоночной машины, воздух свистит, а догнать руку не может. Скрежещет зубами мертвец, еще быстрее ноги переставляет. Бежал он так до самого рассвета, а потом спохватился, что надо в могилу ложиться. Развернулся и обратно побежал, но тут петушки закукарекали, и мертвец рассыпался в прах.

Правдивые истории про девочку Зиночку

– И ты говоришь: она была на кладбище? – Петька очистил апельсин и любовно посмотрел на его сочную мякоть.

– В разрытой могиле, – уточнил Филька, глядя, как дольки бесследно исчезают во рту у Мокренко. Он надеялся, что испортит Петьке аппетит, но ничего подобного не произошло. Уж что-что, а аппетит ему испортить было невозможно.

– И на дне этой могилы был гроб?

– Да, гроб.

Анька недоверчиво сдула с глаз челку.

– Пустой?

– Пустее не бывает.

Они сидели в классе после уроков. На столе перед ними лежала та самая черная простыня. Теперь она была развернута, и в нескольких местах на ней виднелись зеленые пятна плесени. В ведре торчала швабра: сегодня Анька была дежурной, Хитров же с Мокренко остались за компанию, чтобы еще раз обсудить события прошедшей ночи.

– По-моему, ты завираешься... Не могло там быть разрытой могилы! – категорично заявил Петька.

– А простыня откуда?

– Простыню ты с собой притащил. Признайся, что притащил. Спрятал под курткой, в глине измазался и решил нас одурачить. Признайся, что так все и было. Спорим на три

желания! – сказала Анька.

Хитров, оскорбленный до глубины души этим недоверием, медленно откинулся назад.

– Ты когда-нибудь раньше видела черную простыню? – спросил он как можно спокойнее.

– Нет, не видела. Но я и страуса живого не видела. И вообще мало ли какого простыни могут быть цвета.

– А плесень?

– Подумаешь, плесень! Брось любую мокрую тряпку в подвал – еще и не такое расцветет. Спорим? – хмыкнула Анька.

Филька решительно встал.

– Ладно. Пошли! – сказал он.

– Куда пошли?

– Туда! На кладбище! Я тебе докажу!

– Да пожалуйста! – согласилась Анька и, поправив свои очки-телескопы, двинулась к выходу из класса.

Хитров даже слегка опешил. Он не ожидал, что она так скоро сорвется с места. Ну Иванова – она и есть Иванова. Не побоялась же она приехать ночью на кладбище.

– погоди, я простыню возьму, – сказал он.

– оставь ее тут, свою тряпку. А то потеряешь – хи-хи! – и бабушка огорчится... За рюкзаками придем – разом захватим. Все равно еще доубираться надо, – отмахнулась Анька. – Мокренко, ты с нами?

– Да с вами я, с вами, – пробурчал Петька. Он доел апель-

син и выбросил шкурки за окно.

Снизу раздался угрожающий вопль: там убирался девятый класс, и шкурки буквально свалились ему на голову. Такая наглость прощается редко. Мгновенно сориентировавшись, что может последовать за этим воплем, Хитров с Мокренко выскочили из кабинета...

2

– Ну и где же та могила? Улетучилась? – Скрестив на груди руки, Анька насмешливо наблюдала за Хитровым.

– Говорю вам, она была где-то тут, – растерянно пробормотал Филька.

Уже двадцать минут он безуспешно топтался вокруг мраморной плакальщицы, напугавшей его ночью. Мокренко с Анькой ходили следом, отпуская едкие замечания.

Пытаясь вспомнить, как он шел при лунном свете, Хитров вновь вернулся к обелиску и, убедившись по надписи, что он тот самый, пошел вдоль него, направляясь к окраине кладбища. Сохранившиеся на памятниках и крестах даты становились все менее древними: 1900 год, 1903-й... То и дело Филька возвращался, подозрительно оглядывая каждую могилу.

– Ну все! С меня хватит! – Анька сердито остановилась. – Мы уже все кладбище обошли! С тебя три желания, Хитров! Филька хотел возразить, но в этот миг Мокренко гром-

ко взвизгнул. Обернувшись, ребята увидели, что Петька, неосторожно наступивший на одну из могил, провалился в землю почти до колена и теперь, ругаясь, высвобождает ногу.

Выдернув ее, он отступил назад и стал отряхиваться.

– Блин, размокло все! – крикнул он плаксиво. – Едва ботинок там не оставил!

Филька присел на корточки и ощупал рыхлую землю внутри оградки.

– Вот она, та самая могила! Только теперь она зарыта! А вот и мой след отпечатался у дерева! Ну что, теперь поверила? – крикнул он.

Анька ничего не ответила. Все было слишком серьезно, чтобы вспоминать о споре.

– Похоже, совсем свежая! – сказала она, разглядывая холмик. – Вот так штука: сама свежая, а надгробие старое.

– Да говорю же вам, ночью я сюда провалился! Знаю даже, какой тканью гроб обит!

Осторожно обойдя оградку, Анька оказалась у большого шероховатого камня, служившего надгробием.

– Ну что там? – крикнул Петька. Он все еще прыгал на одной ноге, держа другую ногу на весу и вытряхивая из ботинка землю.

Анька ответила не сразу.

– Сами прочитайте...

Филька подошел. За ним, обувшись, прихрамал и Мокренко. За прошедшее столетие надпись успела уже немного

стереться, но все еще хорошо читалась.

– «1906. Для многих ты был смертью, теперь же смерть сама к тебе пришла...» – прочитал вслух Филька. – И все? Больше там ничего нет?

– Есть. Тут еще одно слово. Отгадка на эту загадку... – таинственно сказала Анька.

Хитров заметил, что ее щека, обращенная к нему, побледнела.

– Какое слово?

– А вам еще не ясно? Я же сказала, что это отгадка.

– Гробовщик?

– Хуже, – негромко проговорила Анька. – Думай, о ком можно сказать: «Для многих ты был смертью...»

– Палач?

– Да, тут написано «палач».

– И эта могила ночью была пустой... Сюда я провалился и отсюда взял черную простыню... – тихо произнес Филька.

3

В школу они возвращались понурые. Все трое думали об одном и том же: о жутком мертвце, который некогда был палачом, а теперь ночью выходил из могилы.

«Что было бы, если бы он вернулся, пока я оттуда еще не вылез?» – с дрожью думал Филька.

– Ну уж нет! Я туда больше не сунусь. У меня здоровье

слабое, – вслух размышлял Петька.

Он машинально достал из кармана бутерброд с колбасой и открыл было рот, но прежде решил полюбоваться тем, что собирается съесть. Неожиданно он заорал и швырнул его на землю. По колбасе ползали точно такие же белые слизняки, как те, что Филька видел ночью на крышке гроба.

– Откуда они здесь взялись? – брезгливо крикнул Петька, топча их ногами.

– Оттуда и взялись, – мрачно пояснил Хитров.

Подходя к школе, они еще издали услышали взволнованные голоса. Гудел девятый «Б», убравшийся под окнами. Их классный руководитель химик Пупырышкин ходил недовольный, высоко, по своей обычной привычке, вскидывая худые коленки.

– Где Усачев и Стулов? Не возвращались?

– Не-а... Вроде в школу побежали.

– Домой не уходили, ханурики?

– Да нет, вот их сумки валяются. Как бы они без сумок ушли?

– Вернутся – немедленно ко мне! Я им устрою! Будут знать, как сачковать!

Поднявшись в кабинет, где они оставляли свои рюкзаки, друзья обнаружили там большой погром. Парты были сдвинуты, ведро для мытья полов перевернуто и стояло в грязной, его же содержимым образованной луже. В той же луже Филька обнаружил и свой рюкзак, носивший явные сле-

ды чьих-то ботинок. Рюкзак Мокренко, выпотрошенный, валялся возле учительского стола. Все съестные припасы оттуда исчезли, а термос с чаем был перевернут.

Мокренко подобрал термос.

– Вот гады! Все вылакали. Я догадываюсь, кого за это благодарить!

– Кого?

– А тех... Усача и Стула из девятого. Слышали, их внизу ищут? Прибежали разбираться, когда мы шкурки вышвырнули...

– Не мы, а ты... – уточнила Анька, не без удовольствия убеждаясь, что ее собственный аккуратный портфель, бережно припрятанный в углу класса, не тронули.

– Ну ничего! Встретятся они мне когда-нибудь на узенькой дорожке! – мстительно сказал Мокренко.

Анька только усмехнулась: она отлично знала, что это только похвальба. Самое большее, что сделает Мокренко, встретившись с Усачом и Стулом на узенькой дорожке, – спрячется за дерево. Эти ребята шутить не любят.

– Может, мы на них вдвоем на одного, а? – предложил Петька, обращаясь к Хитрову.

Но Филька его не слышал: он вспомнил про черную простыню и теперь пытался понять, куда она подевалась. На последней парте у шкафа с гербариями и контрольными, где он ее оставил, простыни определенно не было.

«Ну и хорошо, что ее утащили! Очень мне такая гадость

нужна!» – подумал Хитров, как вдруг увидел темный край, выглядывавший из-под учительского стола. В этом неподвижно вытянувшемся куске ткани было нечто зловещее. С ощущением, что сейчас произойдет особенно неприятное, Филька осторожно потянул за край.

Черная простыня была скомкана и завязана узлом, образуя как бы мешок. Внутри мешка определенно что-то было. Ощупав ткань, Филька понял, что его содержимое очень похоже на холодные статуэтки.

– Помоги развязать! – попросил Хитров. Ощущение чего-то скверного и непоправимого усиливалось с каждой секундой.

Вдвоем с Петькой они одолели туго затянутый узел, и на стол выкатились две небольшие фигурки, каждая сантиметров тридцати. Фигурки были бесцветно-прозрачные и состояли будто из множества туго слепленных между собой солевых кристаллов.

Руки статуэток были согнуты в локтях и прижаты к горлу. Спины были выгнуты, как бы в попытке освободиться. На искаженных лицах застыл ужас...

Анька Иванова первая взгляделась в эти лица и узнала их.

– Вы видите?! Разве вы не узнаете? – взвизгнула она.

– Кого узнаем?

– ИХ! Да смотрите же внимательнее! Это же Усачев и Стулов!

Глава 3

ПОСЛАНИЕ ОТ МЕРТВЕЦА

Как-то раз девочка Зиночка с хвостиком-косичкой в очередной раз гуляла на кладбище и так заигралась, что не заметила, как стемнело. Видит: разрытая могила. Заглянула, а в могиле огромный мертвец. Три метра ширишь и два метра ввысь.

– Я Мертвец-борец, – говорит. – Со всеми, кого встречаю, борюсь! А как поборю – съедаю! Давай и с тобой бороться. А откажешься – сразу убью!

– Ладно, – говорит девочка Зиночка. – Узнаешь, с кем связался! Только давай на асфальтовую дорогу выйдем, а то я как рукой махну – все кладбище разнесу!

Захохотал мертвец и за девочкой Зиночкой пошел. Вышли они на дорогу, девочка Зиночка и говорит:

– Бороться будем по моим правилам. Ты разбежись, закрой глаза и беги мне навстречу. <~>А я тебе навстречу на велосипеде поеду. На середине дороги столкнемся.

Мертвец-борец заинтересовался:

– Никогда по таким правилам не боролся. Ладно, давай попробуем!

Мертвец отбежал, зажмурился и понесся по дороге. Слышит, навстречу ему что-то грохочет, и думает: «Это Зинка на своем велосипеде едет! Сейчас я ее с налету собою и проглочу!»

Тут как стукнет, а потом что-то зашлепало.

«Обдурили дурака на четыре кулака!» – подумала девочка Зиночка и, морща нос, слезла с катка.

Правдивые истории про девочку Зиночку

1

– Как простыня это с ними сделала? – с ужасом спросил Петька.

– Чего ты у меня спрашиваешь? Я что, профессор кислых щей, чтобы все знать? – возмутился Филька.

– Ну, это же твоя простыня...

– Ага, моя... И разрытая могила моя, все мое. Отстань, и без тебя тошно, – огрызнулся Хитров.

– Думаю, они набросили ее на голову ради прикола, а она стянулась и... Видите, как они руки держат, будто задыхаются, – задумчиво сказала Анька.

– Они же... они же... не мертвые? – Мокренко, скривившись, с ужасом выговорил это страшное слово.

– Не мертвые, ясно. Но и живыми их не назовешь. Ты хотел бы быть на их месте?

– Издеваешься?

– И я не хотел бы. В любом случае придется взять эти фигурки с собой, – сказал Филька и, еще раз взглянув в искаженные соляные лица девятиклассников, неохотно опустил их в рюкзак.

– А простыня? Тоже с собой? – спросил Петька, с омерзением глядя на нее.

Хитров пожал плечами:

– Придется. Оставить ее тут, так она всю школу заморозит. Ладно, потопали.

Анькины очки-телескопы изумленно уставились на Хитрова. Откуда, интересно, в нем взялась такая решимость?

– А ты ее не боишься? Простыню?

– Я? Боюсь? Посмотри, какая она симпатяжка! – храбрясь, ответил Филька.

Хотел бы он, чтобы это в самом деле было так...

2

Быстро проскочив в комнату, Филька намотал на ручку двери веревку, чтобы никто не вошел, и достал из сумки соляные фигурки. Прежде чем поставить их в шкаф, он взгляделся в их лица, и ему почудилось, что их выражение стало менее испуганным. Теперь оно было скорее жутко удивленным, будто Усач и Стул пытались осмыслить, но никак не могли понять, что с ними произошло.

– Эй! – громко крикнул Филька. – Эй! Вы слышите меня? Эй!

В фигурках ничего не изменилось. Остекленевшие глаза все так же смотрели сквозь него. «Померещилось», – подумал Хитров.

Вытряхнув черную простыню, он бросил ее на пол – и в тот же миг она сама расстелилась по ковру. Изредка по ее поверхности словно пробегали волны, а углы начинали угрожающе загибаться, покачиваясь, как змеиные головы. Пятна плесени то расплывались, то сужались, как живые.

Филька занес было ногу, чтобы наступить в центр простыни, – и в тот же миг вся она нетерпеливо и жадно прогнулась, алчно приподняв сразу все углы. Хитров, завопив, неуклюже скакнул через нее, едва не поприветствовав носом спинку кровати.

Простыня, лишившись добычи, алчно задрожала. Тапка, соскочившая с ноги у мальчика во время прыжка, как в замедленном кино, описала в воздухе дугу и упала на нее. В тот же миг простыня захлестнула ее краем, и она ослепительно вспыхнула, в мгновение ока превратившись в головешку.

Не отрываясь, Филька смотрел на простыню, по которой у него на глазах расползались пятна плесени. Пятна складывались в буквы.

«ВЕРНИ МНЕ ПРОСТЫНЮ – ИЛИ ПОЖАЛЕЕШЬ. КРАСНОГЛАЗЫЙ ПАЛАЧ», – прочитал Филька, ощущая, как по комнате распространяется могильный дух.

Это было уже слишком, даже для Хитрова. Схватив телефонную трубку, он набрал номер Аньки и, едва дождавшись, пока трубку поднимут, закричал:

– Это Красноглазый мертвец!

– В самом деле мертвец? Приятно с вами познакомиться-

ся! – насмешливо ответил мужской голос.

Сообразив, что он не туда попал, Филька ойкнул и бросил трубку. Второй раз он уже набирал внимательнее. Вызвонив Аньку, обещающую приехать к нему прямо сейчас, он позвонил и Петьке. Но вместо Мокренко подошла его мама:

– Петя кушает. Он ужасно измучился сегодня в школе. Потом он будет делать уроки! Сегодня уже на улицу не пойдет, – сказала она непреклонным голосом.

– Но это очень важно!

– Есть только две важные вещи, которые я признаю: это уроки и правильное питание... – заявила мама Петьки, и в трубке зазвучали гудки, такие же категоричные, как и ее голос.

Поняв, что Мокренко ему уже сегодня не вызвонить, Филька грустно вздохнул.

Когда он, отойдя от телефона, вновь повернулся к простыне, она уже перестала вздрагивать. Зеленые гнилостные пятна исчезли. Свернув простыню, Филька подсунул ее под батарею, где она не слишком бросалась в глаза.

Потом, опасаясь, что простыня попадет на глаза родителям, которые станут задавать ненужные вопросы, он занялся соляными статуэтками. Открывая шкаф, чтобы сунуть туда фигурки, Хитров заметил, что головы у них приподняты в легком изумлении, будто они лишь теперь – полчаса спустя – услышали его «эй!». Значит, соляные статуэтками все же живы и чувствуют, но с большим замедлением.

Полчаса спустя в коридоре два раза взвыла милицейская сирена, и Филька кинулся открывать. На пороге, озадаченно озираясь, стояла Анька.

– Чего это у тебя выло: «вау-вау»? – спросила она подозрительно.

– Это у нас звонок такой. Дед, когда помоложе был, раздобыл где-то сирену и установил ее вместо звонка, – не без гордости за Хитрова-деда пояснил Хитров-внук.

– У тебя прикольный дед.

– Не то слово. Он всю жизнь автомехаником проработал в таксопарке. Взял корпус от старого «Москвича» и все внутри переоборудовал. Двигатель с впрыском от «БМВ», ходовая от «Вольво». Мы когда по шоссе идем, иномарки нам сперва сигналият, типа «брысь с дороги!», а как дед газанет – отстают...

Анька слушала невнимательно. Думала о другом.

– Где простыня?

– В комнате.

– А чего на ней было написано?

– Я же тебе говорил. «Верни мне простыню – или пожалеешь. Красноглазый палач».

– Почему «красноглазый»?

На этот вопрос Филька не ответил. Откуда он знал, поче-

му? В любом случае за красивые глаза так не назовут.

В комнате Анька забралась на диван, поджав под себя ноги. Она обладала редким свойством быстро и уютно устраиваться на любом новом для себя месте. С ее появлением в Филькином логове с валявшимися на полу роликовыми коньками, гантелями, клюшкой, игровыми дисками и самодельным двухзарядным самопалом сразу стало уютнее.

– Ну и берлога у тебя! – сказала Анька.

Ее вьедливый носик рыскал по углам, исследуя комнату.

– Мне удобнее, когда все на полу. Ничего искать не надо, – обороняясь, буркнул Филька.

– А по ночам не спотыкаешься?

– Я по ночам сплю.

– А-а-а, – протянула Анька, и разговор застопорился.

«С девчонками дело иметь – одно мучение. Про машины им неинтересно, про компьютер тоже, а про одну любовь болтать, про цветочки всякие – так от напряжения опухнешь», – убито подумал Филька.

– А где Мокренко? Ты ему звонил? – спросила Иванова.

– Ага. С его матерью разговаривал.

– А он сам?

– Она его не позвала. Сказала, ест. Ты его мать видела когда-нибудь?

– Не-а.

– А я видел. Такая тетя – будь здоров. Характер танковый, да и не только характер. Она когда в магазин входит, ей сразу

обе створки дверей открывают.

– А-а, – снова протянула Анька, и эта тема тоже завяла.

Тут, словно выручая Хитрова, в углу зашевелилась черная простыня. Один ее край приподнялся и угрожающе шевельнулся в воздухе, словно привлекая к себе внимание. Потом простыня сама собой развернулась, и проступили зеленые буквы:

«МНЕ ХОЛОДНО В МОГИЛЕ!»

Анька с такой силой вцепилась в Филькину ладонь, что, сама не замечая, запустила в нее ногти. Хитров зашипел от боли.

– Ты видел? Видел? Это снова он – Красноглазый палач! Зачем ты уволок его простыню?

– Здрате-подвинься! А кто меня вообще на кладбище потащил? Кто заставил взять первое, что попадетсЯ? – огрызнулся Филька.

– Не надо было со мной спорить. Я всегда права. И вообще: какой настоящий мужчина слушает женщину? – Иванова с сознанием своей правоты поправила очки-телескопы.

– А-а, – растерянно протянул Филька.

– Не повторяйся! Это я говорю «А-а!». Ты можешь говорить «б», «в», «г» и еще двадцать девять букв, – отрезала Иванова.

Филька подошел к простыне. Она все еще продолжала шевелиться, но зеленые буквы уже исчезли. Хитров уже хотел отвернуться, когда они вспыхнули снова. На этот раз над-

пись была уже другой:

«ПРИНЕСИТЕ МНЕ ПРОСТЫНЮ НА КЛАДБИЩЕ СЕГОДНЯ ЖЕ НОЧЬЮ – ИЛИ Я САМ ЗА НЕЙ ЯВЛЮСЬ!»

– Он требует свою простыню назад. Отдадим? – сдавленно спросил Филька.

– Зачем она ему?

– Ты же читала, он пишет: холодно в могиле. Что тут странного?

Анька недоверчиво шмыгнула своим всеведающим носиком:

– Это тебе не странно, а мне странно. Много ли тепла от простыни? Это же не одеяло, в конце концов... Ладно, все равно придется отдавать. Ты же не хочешь, чтобы к тебе притащился мертвец?

– Не хочу. У меня в комнате и без мертвецов барахло складывать некуда, – согласился Хитров. – А это значит, сегодняшнюю ночь нам тоже придется провести на кладбище.

– Только бы отстал, – сказала Анька.

4

Определившись с планами, Филька проводил ее до остановки.

– В два ночи на вчерашнем месте – не забудь!

– Не забуду!.. Если опоздаю – жди. Значит, мои родители еще не легли. – Анька вскочила в автобус.

Автобус уезжал, громыхая, сотрясаясь на колдобинах, а в заднем его стекле рядом с большой белой табличкой с цифрой «9» Филька видел прыгающее близорукое лицо Аньки. Она сняла очки и теперь, без очков, была еще беззащитнее, еще дороже.

Когда автобус отъехал уже метров на двадцать и притормозил у светофора, Хитрову почудилось – ведь не мог же он это точно видеть на таком расстоянии, – что Анька поцеловала свою ладонь и подула на нее, посылая ему воздушный поцелуй.

Домой Филька не шел, а летел на крыльях счастья.

«У меня с ней сегодня свидание! Свидание!» – думал он. Но его восторженное настроение скоро увяло, едва Хитров сообразил, что свидание у него на кладбище, а третьим и четвертым его участниками будут черная простыня и Красноглазый мертвец...

Неизвестно даже, суждено ли им встретить завтрашний рассвет живыми, или с прокушенным горлом и выпитой кровью они будут лежать где-нибудь недалеко от разрытой могилы, накрытые черной простыней...

Едва оказавшись в комнате, Филька сразу обнаружил, что простыня исчезла. Он перерыл все, посмотрел под диваном, открыл шкаф, но поиски ничего не дали. Зловещая черная простыня пропала. Соляные фигурки все так же бессмысленно таранились на Хитрова прозрачными глазами и ничего не могли ему рассказать – да и вряд ли вообще что-то

понимали, существуя в своем остановившемся мире...

Пронзенный внезапным подозрением, Филька бросился на кухню и облегченно перевел дух. Прабабушка была тут, живая и здоровая. Сидя за столом, она бойко рассматривала в лупу этикетку на курице.

– Уш больно тош-ш для бройлера-та, – бормотала она.

– Баб Надь, а баб Надь! Ты простыню не брала? – крикнул Филька.

Прабабушка перевела лупу с курицы на правнука. Потом снова на курицу – должно быть, курица была все же интереснее.

– Ась, милый? Какая дыня? Не пойму никак.

– Не дыня, простыня! Из моей комнаты!

– Чевось?

– Простыня, говорю, где? – потеряв терпение, крикнул Филька ей в ухо.

– Чего голосишь, будто таракан тебе за шкурку упал? Глухая я, что ли? – обиделась старушка. – Ты про простынь свою? Грязная ж она вся! Замочила я ее в тазике... Пуш-шай отмокнет. И шьют же такие...

Не дослушав, Филька метнулся в ванную. Черная простыня мокла в тазу под краном. Мальчик уже хотел схватить ее и отжать, но в последний миг отдернул руку.

Вода в тазу была алой...

Глава 4

РАЗРЫТАЯ МОГИЛА

Однажды глобусоголовая девочка Зиночка нашла красный чемодан и принесла его домой. Чемодан был пустой, но на дне были зеленые пупырышки. Девочка Зиночка посадила в чемодан кошку и закрыла крышку. Когда она открыла крышку, кошки уже не было.

«Странное явление! На ком бы еще испытать?» – подумала Зиночка и позвала младшего братика.

– Коля, иди сюда! Залезь в чемодан!

Братик залез в чемодан. Крышка захлопнулась, и братик исчез. Зиночка поняла, что это чемодан-пожиратель, и, позвав папу, все ему рассказала.

Папа взял охотничье ружье, два кухонных ножа и полез в чемодан за братом. Чемодан захлопнулся и проглотил папу. Зиночка подождала папу до вечера, но он так и не вернулся. Тогда Зиночка взяла из кухни банку с молотым перцем и стала засыпать его чемодану в замки.

Чемодан страшно раздулся и чихнул. Вначале он вычихнул кошку, потом маленького брата, а потом и папу с ружьем и двумя ножами. Вычихнув всех, он завертелся на одном углу и исчез...

Правдивые истории про девочку Зиночку

Филька притаился в кустарнике, не отрывая глаз от пролома в ветхом заборчике кладбища. Несколько раз ему казалось, что в проломе он видит широкое колеблющееся пятно – не то размазанный человеческий силуэт, не то причудливый лунный отблеск на влажных стволах.

Ночной парк был полон таинственных шорохов и скрипов. Земля клубилась прозрачной белой дымкой, отчего казалось, что между деревьями в немой невыразимой тоске скользят бесплотные призраки. Глухо, безнадежно кричала в отдалении неведомая птица. Кто-то шуршал, быстро пробегая, в кустарнике.

Кладбище было окутано многозначительной, сосущей тишиной. Все живое – если и было там что-то живое – отступило в страхе перед кем-то и чем-то, чье присутствие ощущалось, буквально висело в воздухе.

Анька опаздывала уже на полчаса. Лишь в половине третьего Филька услышал, как шуршат на аллее шины ее велосипеда. Около кладбищенской ограды Анька остановилась и, не слезая с велосипеда, стала озираться, оперевшись одной ногой. Спрятавшегося Хитрова она пока не видела. Иванова была в светлой дутой куртке с накинутым на голову и туго завязанным под подбородком капюшоном. Окутанная белой дымкой тумана, она сильно смахивала на современный ва-

риант спортивного привидения.

– Эй! Призрак одинокого велосипедиста! – негромко окликнул ее мальчик.

Анька резко повернулась на его голос.

– Это ты, Филька? – спросила она нервно.

– Нет, я призрак одинокого хорошиста! Тридцать лет назад я потерял тут свой дневник, и до сих пор дух мой бродит и ищет его! – провыл Хитров.

– Я почти ничего не вижу в темноте. Еле доехала. У меня же очки минус семь, – с облегчением сказала Анька.

– Минус семь – это как?

– А так. Без очков с пяти шагов яблоко от груши не отличишь, а от человека только смазанные контуры остаются, – вызывающе, словно ожидая, что он засмеется, произнесла Анька.

Но Филька не засмеялся, хотя лишь теперь осознал, зачем Иванова носит такие телескопы. Раньше это его почему-то не занимало: ну носит и носит. Теперь же он ощутил, что его уважение к Ивановой возросло вдвое. Какую же храбрость нужно иметь этой хрупкой девочке, чтобы ночью одной ехать в лес на велосипеде, и куда – на кладбище, где Красноглазый палач мерзнет в могиле без своей простыни!!!

2

Кладбище встретило их мертвой тишиной. Казалось, стук

их сердец повисает в воздухе и, как удары набатного колокола, разносится между безмолвными могилами. Филька шел чуть впереди, держа в руке черную простыню. За ним, придерживая его за локоть, двигалась Анька. Старинные надгробия были покрыты тонкой белой изморозью. На некоторых из них виднелись следы птичьих и собачьих лап, но лишь следы: ни птиц, ни собак видно не было. Казалось, из живых на этом огромном кладбище только они двое, все же остальное безраздельно принадлежит царству смерти.

– Мы не заблудимся? – шепотом спросила Анька.

Говорить громко она не осмеливалась – и так казалось, их слова слышны повсюду и даже проникают под землю, где белеют в гробах давно погребенные кости.

– Все время прямо... Тш-ш! Пришли уже!

Филька свернул на узкую тропинку, ведущую между двумя рядами оградок. Вскоре впереди забелел знакомый обелиск. Плакальщица, согбенная все в той же неестественной, немного театральной позе, продолжала нести свой скорбный караул. Только теперь Хитров заметил, что край носа у нее отбит. Давно ли? Он не мог вспомнить, было ли так в прошлый раз.

Невольно он перевел взгляд дальше, где, окруженный с трех сторон разросшимся кустарником, лежал массивный необработанный камень с высеченными на нем страшными буквами. Казалось, те, кто хоронил палача, специально выбрали ему такое массивное надгробие, чтобы плотнее вда-

вить его в землю, исключить новое явление его миру.

Друзья подкрались ближе и остановились, притаившись в тени, отбрасываемой большим гранитным монументом, из которого, словно из тлена земли восставшие, рвались три оперные дивы с растрепанными каменными волосами. Схематично высеченный на нижней части монумента самолетный винт позволял судить об обстоятельствах их гибели.

Земля на могиле у палача оставалась нетронутой. Ямы, в которую Хитров угодил вчера, не было. Но что самое странное – исчез и след от ноги Петьки, который он оставил сегодня днем. Могила засосала его, как трясина засасывает свою добычу, и так же, как и трясина, разгладилась над ней...

Фильке это совсем не понравилось, и он предпочел держаться от оградки на почтительном расстоянии. Черная простыня в его руке слабо трепетала и то тянулась к могиле, то вяло обвисала.

– Смотри, все зарыто. Он не выходил еще, – с облегчением сказал Филька, надеясь про себя, что Красноглазый мертвец, писавший им грозные послания, останется в могиле. В конце концов, до рассвета оставалось всего несколько часов, а самый пик ночи уже минул. Не может же он выходить наружу каждую ночь? Или может?

Неожиданно Анька напряглась. Ее ладонь, привлекая внимание, скользнула по рукаву Филькиной куртки.

– Ты слышишь? Слышишь?

Мальчик честно прислушался.

– Не-а.

– А я слышу... Земля дрожит. Чавкает что-то, сопит, хрипит... Все ближе! Я боюсь!

Анька неотрывно, с почти физически ощущаемым ужасом смотрела на камень. Филька не обладал таким тонким слухом, но доверял тому, что слышала Иванова. У людей со слабым зрением все другие чувства – обоняние, слух – обостряются, словно спеша заполнить образовавшийся пробел.

Черная простыня слабо замерцала в темноте, потянулась к могиле всеми четырьмя своими краями. С каждым мгновением свечение ее усиливалось. Это выглядело так зловеще, что Филька готов был бросить ее, но внезапно понял, что не может разжать ладонь. Пальцы, вцепившиеся в простыню, больше ему не повиновались.

Мальчик ощущал, как простыня против его воли влечет его к могиле, притягивает к мертвой, словно из белого гипса вылепленной траве, под которой что-то чавкало, упорно продиралось наружу...

3

– Помоги же! Да помоги! Меня притягивает! – полушепотом крикнул Филька, стремясь разжать пальцы.

Рука ему уже не принадлежала – начиная от локтя она была уже чужая. Затруднительно было сказать, то ли побелев-

шие костяшки пальцев сжимали теперь простыню, то ли простыня сама с потусторонней силой обвилась вокруг ладони...

– Нет! Не хочу!

Хитров едва узнал свой голос, осипший, истончившийся от страха. Он попытался пошевелить другой рукой, и ему почудилось, будто и другая рука тоже... нет, другая рука еще слушалась. Борясь с простыней, он рванулся назад и успел вцепиться свободной рукой в ограду ближайшего памятника.

Он ожидал сильного сопротивления, ожидал, что простыня потянет его, но она внезапно прекратила увлекать его к могиле и развернулась в воздухе, точно скатерть-самобранка...

«ПРОБИЛ ЧАС! СЕЙЧАС ВЫ УВИДИТЕ МЕНЯ!» – расползлась светящаяся зеленая надпись.

В следующий миг огромный гробовой камень, подминая траву, откатился в сторону. Земля на могиле провалилась – вначале в центре, а потом и по краям...

Анька дико завопила и, чтобы не видеть, закрыла ладонями стекла своих очков. Филька же, напротив, словно оцепенел и, находясь в этом странном скованном состоянии – полусна-полуяви, – не мог оторвать глаз от могилы. Он увидел, как из-под разверзнувшейся земли высунулась белая раздувшаяся рука со следами тления. Вслед за рукой показался потемневший саван и белое, круглое, как шар, лицо. Черты лица как-то сразу ускользнули, смазались из памяти. Он запом-

нил лишь устремленные на него красные неподвижные глаза, горевшие не злобой даже, а холодной как лед ненавистью...

Губы мертвеца чуть шевельнулись, но очень вяло, словно звук шел не из губ, а откуда-то еще.

– Верните мне мою простыню! Без нее я не могу спокойно спать в могиле! – просипел он.

Мертвец вырос из могилы и становился все выше, все огромнее. Несмотря на то, что ноги все еще оставались под землей, его широкая, с синими ногтями рука, удлинняясь, как резиновая, потянулась к Фильке. Почти коснувшись его лица, рука вдруг круто пошла вниз и стала, причудливо изгибаясь, как никогда не изогнется рука живого человека, окружать мальчика кольцом.

– Отдай мне черную простыню! Отдай мне ее сам, или ляжешь со мной в узкую холодную могилу! – клокотал мертвец.

Его лицо было синим и раздутым изнутри, словно мяч, без единой морщинки, без единой прожилки. Но даже такое, упитанное, гладкое, оно было в десятки раз более отвратительным, чем все сочащиеся слизью монстры, которых показывают на экране. Не выдумкой, не режиссерской фантазией веяло от него, но могилой. Седые волосы словно прилипли ко лбу, огибая большую выпуклую бородавку, похожую на шлепок красного крема с торта. Зубы у мертвеца были мелкими, искрошенными и совсем не походили на ослепительно белые вампирские клыки, выскакивающие, как лезвие пружинного ножа. Но оттого они и были такими, что это

были *настоящие* зубы – зубы реального, а не воображаемого мертвеца.

Сразу несколько мыслей, словно резиновые мячики, сталкиваясь и мешая друг другу, заметались в голове у Фильки. Нет, он не хочет в могилу! Зачем она ему вообще сдалась, эта черная простыня? И почему мертвец его не растерзает? Почему рука только обвивается вокруг, но не хватает? К чему угрожать, когда можно их убить? Зачем он вообще ввязался в эту историю? Дурацкий спор! Да отдать ему простыню – и дело с концом!

– Мне нужна простыня! Ты забрал мою простыню! Ты заплатишься за это! – настойчиво хрипел мертвый палач.

Его раздутое лицо надвигалось. Красные зрачки впивались мальчику в переносицу, лишая его воли. Мысли, и без того случайные, мечущиеся, все сильнее путались, смешивались, сливались в единственное желание: «Только бы поскорее все закончилось!»

– Забирай свою простыню и уходи! – непослушными губами вымолвил Филька.

– Не-ет! Нет! Не надо! – словно сквозь кирпичную стену услышал он крик Аньки Ивановой.

«Как – не надо? Почему? Зачем она нам? Все неприятности из-за нее», – расслабленно подумал Филька, чувствуя, что не может даже оглянуться на девочку: красные зрачки мертвеца, пустые и неподвижные внутри, не отпускали его.

– Дай! Дай ее сюда! – Мертвец нетерпеливо затрясся, про-

тягивая ладони, но не смел отчего-то прикоснуться к самой простыне, словно что-то удерживало его на расстоянии.

– На!

Филька поднял руку с простыней и попытался разжать ее, но пальцы по-прежнему были как чужие.

– Не могу. Не... не получается. Бери ее сам, – пробормотал он.

Красноглазый мертвец качнул головой, едва не свалившейся от этого движения с его плеч.

– Скажи: «Я отдаю черную простыню своей волей!» – потребовал он.

– Я отдаю простыню... своей... – непослушным языком стал повторять Хитров.

– Дальше, дальше!

– Во...волей...

Филькины пальцы разжались. Черная простыня, выскользнув, развернулась в воздухе и медленно опустилась на плечи Красноглазому мертвецу. Мерзкий, похожий на бульканье смех склизкими брызгами разлетелся по кладбищу.

– Нет! – еще раз крикнула Анька.

– Да! – сказал мертвец. – ДА! Ты угадала, порождение крови и плоти. Пока простыня была у него, я ничего не мог вам сделать. Совсем ничего. Отнять же ее было не в моей власти. Но так было лишь до тех пор, пока не были произнесены слова, что он отдает ее по своей воле.

– Я же... я же говорила! Спорим, что говорила! – с болью

воскликнула Анька.

«Поздно спорить... Какой я дурак!» – подумал Филька.

Мертвый палач кивнул, словно мог слышать его мысли.

– Точно, поздно... Теперь нас будет трое в могиле. А завтра мы пойдем в город, и все, кого мы встретим и в кого выпьются наши клыки, тоже станут мертвецами!.. Ржавая порочная кровь потечет в их жилах... Пора!

Палач протянул руки. Все произошло так быстро, что Филька не успел даже отпрыгнуть. Замерев, он видел, как ладони палача неощутимо проходят сквозь его тело и пальцы сжимаются, но не могут схватить его.

– Проклятье! Я опоздал. Скоро рассвет! – сказал мертвец. – Ну ничего! Завтра ночью мы снова встретимся. Я приду к вам сам.

Красноглазый палач шагнул к могиле и, завернувшись в простыню, стал медленно опускаться в нее. Яма сама собой засыпалась землей. Последней скрылась голова, но, даже когда и она исчезла, из-под плиты долго слышен был сиплый хохот.

Глава 5

ПОЖЕЛТЕВШИЕ СТРАНИЦЫ

Девочка Зиночка нашла в лесу старый грузовик. В кузове грузовика лежал каменный склеп. Девочка Зиночка попыталась открыть его, но у нее ничего не получилось – крышка была слишком тяжелой. Тогда Зиночка нашла палку, просунула ее в трещину склепа и откинула крышку.

Из склепа выпрыгнули три чудовища.

– Я Мясоруб-Кровопийца! – закричал первый.

– Я Душило-Потрошило! – закричал второй.

– Я Душегуб-Людоед! – закричал третий.

– Мы сожрем тебя! Выьем твою кровь до капли! Обглодаем твои кости! – закричали все трое.

– Хорошо, можете меня съесть, – сказала Зиночка. – Только одна маленькая просьба: нельзя ли меня съесть в детском садике?

Мясоруб-Кровопийца, Душило-Потрошило и Душегуб-Людоед переглянулись. Они сообразили, что в садике должны быть еще дети, которых можно будет тоже слопать.

– Мы согласны. Но как мы попадем в садик, чтобы нас никто не заметил?

– Запросто. Превратитесь в три шоколадки, и я вас пронесу в кармане.

Мясоруб-Кровопийца, Душило-Потрошило и Душегуб-Людоед превратились в шоколадки. Девочка Зиночка облизнулась. Она обожала

1

– Ржавая кровь... Как же я не догадался, что нельзя отдавать ему простыню? Ведь он даже не мог прикоснуться ко мне! Помнишь, рука его только обвивалась вокруг... И все эти могильные стоны. Он мог только пугать – и больше ничего! – в отчаянии воскликнул Филька.

Все полчаса, что они ехали на велосипедах от кладбища, он, не переставая ни на минуту, ругал себя. Каких только обидных наименований он себе не придумывал. «Пупырчатый бабуин» из них было самым безобидным.

Анька Иванова все больше отмалчивалась, не защищая Фильку от самого себя, на что Хитров втайне надеялся. Не исключено, что происходило это оттого, что все ее внимание целиком поглощено было разбухшей лесной дорогой, по которой велосипеды то и дело пробуксовывали, а руль норвил, на колдобине ускользнув из рук, сбросить седока прямо в жижу.

«Значит, силу мертвецу дает простыня. Должно быть, это из-за нее палач столько времени невредимым пролежал в могиле. Простыня делает его вечным, могучим, бессмертным. Но почему?» – пыталась и не могла понять Анька.

Одна эта мысль, наряду со стремлением не слететь с размокшей аллеи, и занимала ее всю дорогу.

Не переставая награждать себя нелестными эпитетами, Филька проводил ее до подъезда и помог втащить велосипед в лифт.

– Ах я, банка с тухлыми помидорами! Червяк, завязанный морским узлом! Бесхвостый кот! Дохлый осел! Старая тумбочка! Мозоль на пятке у милиционера! – бубнил он, почти не глядя на Аньку.

– Тук-тук! К вам можно? – Иванова постучала костяшками пальцев его по лбу.

– Можно-то можно. Только там, куда ты стучишь, все равно ничего нет. И не было никогда, – хмуро отозвался Филька, все еще настроенный на самоуничижительный лад.

– Значит, так: сегодня суббота. В школу не надо. Давай отоспимся и часа в два-три встретимся, – сказала Анька.

У нее уже слипались глаза: вторая бессонная ночь, проведенная в таком расчудесном месте, как кладбище, давала себя знать. Ей вдруг стало все равно – попадут они следующей ночью в цепкие тонкие руки мертвого палача или не попадут. Осталось только одно желание – закрыть глаза и заснуть...

Оставив велосипед в общей на три квартиры прихожей, Анька скользнула в коридор, а оттуда в свою комнату. Свет повсюду был потушен, стало быть, родители ее не хватились.

Раздевшись, Иванова юркнула под одеяло и закрыла глаза. Проваливаясь в сон, она продолжала видеть расплывшиеся

черты палача и его седую, прилипшую к влажному лбу челку, огибавшую жирную бородавку...

Тем временем, оставив велосипед в гараже, Филька скользнул в подъезд и повернул в замке ключ. Увидев в освещенном коридоре массивный силуэт, он вначале испуганно отшатнулся и лишь потом узнал прабабушку Надю. Она стояла, подбоченившись, и сурово смотрела на него.

– Ты где был? – спросила прабабушка Надя.

Филька что-то пробормотал, уверенный, что его таки застучали. Неужели еще и с родителями объясняться? Тоска затопила его. Однако прабабушка Надя поняла его бормотание по-своему.

– Молодец! Утренняя пробежка – вот что дает человеку бодрость, свежесть и долголетие! Ничего не может быть лучше, чем пробежка на рассвете! – твемым и громким голосом сказала прабабушка и, погладив Фильку по голове, отправилась к себе.

Ее посвежевший правнук с усилием подтащился к кровати и, не раздеваясь, упал на нее лицом вниз. «Пустоголовый барабан! Пробежка на рассвете!» – сказал он себе и заснул.

2

Первым, кого увидел Филька, когда проснулся, был Петька. Мокренко сидел рядом в кресле и, морща лоб, что-то сосредоточенно читал. Это «что-то» было отпечатано на двух

смятых листах и, вероятнее всего, являлось ксероксом, который долго и неаккуратно таскали в кармане.

– Дрых? – снисходительно поинтересовался Петька, отрываясь от чтения.

– Чего? – спросонья не сразу сообразив, о чем он, переспросил Фильку. А когда понял, то подумал: чего спрашивать, когда и так видно.

– А я вот в библиотеке был, в той, в нашей. Вот отксерил кое-что, – с особым таинственным выражением сказал Мокренко.

Филька мигом проснулся. Петька Мокренко и библиотека – это уже само по себе была нелепица, несопоставимые понятия, вроде как «пожарная машина» и «гриб-мухомор». Однако зачем-то пошел же он туда, чем в очередной раз явил миру, что на свете всегда есть место чуду.

– Продолжаю... – сказал Мокренко. – Мы пошли в архив и стали смотреть городские газеты за 1906 год. «Губернские ведомости» – вот как она называлась. Желтенькие такие листки, выцветшие. Буквы так стиснуты, что и не прочитаешь толком, фотографий нет, карикатур нет, и всюду эти... как их там... твердые знаки, короче. Ну да ладно, это побоку... Мы пролистали «Ведомости» – штук, наверное, тридцать, пока наконец не наткнулись на одну заметку. Потом пролистали еще газет двадцать – и там нашли еще статеечку по тому же вопросу... – Петька интригуяще замолчал и взмахнул своими ксероксами.

Филька терпеливо ждал продолжения.

– Погоди... А ты объяснял библиотекарше, зачем это тебе? – с внезапным подозрением спросил он.

– Не-а, – отмахнулся Петька. – Разве о таком говорят? Взрослые – они во все это не верят. Им пока втолкуешь, из ушей пар повалит.

– А она не спрашивала?

– Спрашивала. Но я сказал: типа, гуляли с другом по кладбищу и увидели камень. Стало интересно, почему такая надпись, заспорили, вот я и пришел выяснять, – сказал Петька, очень довольный своей хитростью. – Так вот... типа, в нашем городе в начале двадцатого века жил один репортер, Федор Шампанеев. Мне про него библиотекарша рассказывала: куча детей, жена больная, теща тоже... не то чтобы больная, но целыми днями на печи сидит и глазами поочередно мигает – то правым, то левым. Так вот, чтобы всю эту ораву прокормить, он целыми днями бегал по городу – брал интервью, писал заметки, статьи, репортажи – почти что один делал всю газету. Фигура всему городу известная – сам тощий, любопытный, длинноногий, на язык острый как бритва. Например, нужна ему мука или там масло – он идет к лавочнику и говорит: давай, я напишу, мол, какая у тебя отличная лавка, чтобы все к тебе ходили покупать, а ты за это мне муки дашь, масла или там еще чего-нибудь.

– А если лавочник не давал? Ну говорил, скажем: «Иди отсюда, не надо про меня писать!»

– «Хорошо, – говорил Шампанеев. – Я ухожу. Не надо, так и не надо». Он уходил, а на другой день в газете появлялась заметка: что, мол, в лавке Прохорова тухлыми продуктами торгуют и вообще – холеру подхватить плевое дело... Обыватели пугались и в эту лавку больше не ходили, по другой стороне улицы ее огибали. Лавочник начинал нести жуткие убытки и рвал на себе волосы, если они еще были, что прогнал репортера. Еще день-два, и он бросался к Шампанееву с подарками, только чтобы тот написал опровержение.

– Ну и жулик же был этот Шампанеев!

– Почему жулик? Вообще, да, жулик, но ведь и лавочник-то тоже был тот еще жук, а у Шампанеева полный дом детей – всех кормить надо, а сам он бедный. Дом в три окна и три пары сапог на семь человек. Библиотекарша говорит: он был очень хороший журналист, с крепким пером, дотошный: если мы что-то теперь и знаем о городской жизни того времени – так только потому, что он написал.

– И про смерть палача у него тоже есть? – взволнованно спросил Филька.

– А то как же... Вот смотри... – Мокренко схватил один из ксероксов и вначале сам стал сбивчиво читать, а потом ограничился тем, что просто сунул Хитрову бумажку.

«<MI>Сегодня на ...вском кладбище хоронили утонувшего три дня назад в реке Мыльце мещанина Антипа Ф., больше известного в городе как Кат, или Палач. Долгое время мещанин Антип Ф., являвшийся уроженцем нашего города,

исполнял обязанности палача в екатеринбургском остроге. Но однажды случилось так, что он казнил безвинного чиновника П., которому на другой день привезено было высочайшее помилование.<W0>

После этого случая Антип был отставлен от своей должности без сохранения пенсионации и вернулся в наш город...

<M1>По слухам, сама смерть Антипа Ф. произошла при обстоятельствах самых загадочных. Что заставило его среди ночи оказаться на старом мосту через Мыльню, в сваях которого и было найдено впоследствии его тело, до сих пор неизвестно. Другой необъяснимой подробностью, которую пытается теперь разгадать назначенный губернатором следователь г-н Тетерин, является то, что вокруг шеи палача обмотана была истрепанная веревка, служившая ему некогда для исполнения приговоров суда...<W0>

По решению городской думы похоронен он был на казенный счет, причем на могиле его водружен был камень с надписью «1906. Для многих ты был смертью, теперь же смерть сама к тебе пришла». Надпись эта, сочиненная учителем словесности Первой Гимназии Феликсом Запятакиным, выразила привычное неодобрительное отношение общества к палачам, которые являются в некотором роде<MU!^!X!O!A!> исполнителями общественной воли. Другими словами, не палачи подписывают приговоры, но лишь делают то, что им предписано. Однако Антип Ф. был

особенным палачом и, по свидетельству людей, знавших его, не раз говорил, что душегубство доставляло ему удовольствие.<W0>

<M1>Присутствовавший на похоронах мещанина его брат Андрей припомнил в разговоре с вашим покорным слугой, что незадолго перед своей гибелью Антип говорил ему следующее: «Когда я умру, положи со мной в могилу то, что лежит у меня в сундуке». Когда же Антип был найден мертвым, брат его <W0>поспешил открыть сундук, надеясь, что там окажутся деньги, но не нашел ничего, кроме черной простыни, которая и была положена в гроб...»<I*>

– Вот она, простыня! – воскликнул Филька. – Вот она! Ты видел?

– А то как же... Удивил негра жареным бананом! – снисходительно хмыкнул Петька. Еще бы – ведь это был его трофей.

– А вторая заметка? Что в ней? – вспомнил Хитров.

Мокренко, мигом став серьезным, сунул ему второй ксерокс.

«Пару дней уж тому, как со мной произошло презабавное событие, которое я не могу не поведать почтенным читателям. Начну обо всем по порядку, ибо лучшие порядка может быть только дисциплина, как говаривал некогда покойный исправник Подковырлов. Итак, во втором часу ночи я возвращался с поминок по купцу Ятрилову, скончавшемуся девять дней назад то ли от неумеренного поглоще-

ния<МУ!^!Х!Ю!А!> блинов, то ли от апоплексического удара. Путь мой пролегал мимо кладбища. Неожиданно из ворот выскочил сторож, отставной унтер Бубнов, и бросился ко мне, крича, что только что видел мертвеца.<W0>

«Ты пьян, братец! – отвечал я. – Разве дело кладбищенскому сторожу бояться мертвецов?»

<МІ><Ах, ваше благородие, – отвечал сторож, крепко держа меня за рукав. – Вы не сумлевайтесь: я на трех войнах был, всякого перевидал. Тех мертвецов, что в земле лежат, правильных то бишь, я нисколько не боюсь. Мне другие мертвецы страшны, непутевые, те, что из могил своих выходят».<W0>

«Разве такое может быть?» – удивился я.

«Еще как может!» – отвечал сторож.

<МІ>Около получаса назад он, как и полагается ему по должности, обходил кладбище, проверяя, нет ли где какого беспорядка. Внезапно в дальней части кладбища он заметил слабый отблеск огня и, сжимая палку, храбро бросился туда, решив, что это бродяги воруют с могил венки. Подбежав, унтер увидел, что свечение – ровное, зеленоватое – исходит от могилы недавно похороненного палача. Потом, по словам сторожа, могила разверзлась и из нее поднялась голова покойного, а следом за ней выбрался и весь мертвец, не имевший на своем раздавшемся вширь и даже пополневшем лице никаких следов тления.<W0>

Сторож в испуге закричал и осенил себя крестным зна-

мением. Едва он завершил крест, как мертвец, направившийся было к нему, заслонил рукой глаза и словно перестал его видеть, а только вслепую шарил руками совсем близко от замершего в ужасе унтера.

Наконец мертвец прекратил свои поиски и, извергая проклятия, громко возгласил четырежды:

«Ржавая кровь! Сто раз пожалеет тот, кто возьмет у меня черную простыню, а после вернет мне ее! Пусть же ведает неразумный, что ничто на свете меня не остановит: ни кол, ни трясина, ни железный гроб – кроме одного, чего никто не ведает!»

Вслед за тем мертвец набросил себе на плечи простыню, дважды провернулся на одном месте и исчез. Сторож же без памяти бросился бежать и бежал, пока не налетел на меня.

Успокоив сторожа, я расспросил его, как ближе пройти к могиле. Унтер наотрез отказался сопровождать меня и лишь после пошел, держась на почтительном отдалении. Могилу палача я нашел зарытой и совершенно в том же состоянии, в котором она была в день похорон. Унтер клялся и божился, что видел ее разрытой, после же признался, что был в тот час немного навеселе, так как погулял пред тем на именинах у кума.

Sic! Так и распространяются в народе глупые предрассудки!»

Филька долго не мог опомниться. Раз за разом он перечитывал обе заметки, но все равно ему продолжало казаться, что было нечто такое, что он пропустил. Нечто очень важное, промелькнувшее где-то в тексте.

– Ты читал? Там что-то было... Что-то... – Филька не смог выразить это словами и лишь зашевелил пальцами в неопределенном, но мучительном усилии.

– А, знаю! «Сто раз пожалеет тот, кто возьмет у меня черную простыню, а после вернет мне ее», – сказал Мокренко. – Но ты же не вернул ему простыню? Она же у тебя?<MI>

Хитров медленно поднял на него глаза. Все, что произошло ночью, успело уже изгладиться из его памяти, а теперь вдруг вспыхнуло, и он осознал весь ужас их положения. По его изменившемуся лицу Петька понял, что произошло нечто, чего изменить уже нельзя, но что ему, Петьке, пока неизвестно.

– Отдал? Отдал? – повторил он пугливым полусшепотом.

– Сегодня ночью. Думаешь, отчего я так долго спал? – сказал Филька.

– Но зачем?

– Зачем, зачем... Откуда я знал? На простыне буквы всякие появлялись. Вода в тазике в кровь превратилась, и потом – эти статуэточки... Мы с Анькой подумали: отдадим – и все

закончится. Он упрется к себе в могилу – и конец.

– И вы поверили мертвецу?

– А что нам оставалось делать? Поверили. Даже пожалели его: мол, в гробу ему лежать зябко. Теперь простыня у него.

Петька вскочил и в волнении забегал по комнате.

– Чайники! Ах вы, чайники лопоухие, вареники всмятку!

Что же вы меня не спросили? – восклицал он.

– Можно подумать, ты вчера знал!

– Не знал, – согласился Петька. – Но я по натуре прижимистый. Если ко мне что в руки попадает, я уже не отдаю. Ко мне мертвец хоть сколько подкатывай – ничего бы я ему не отдал! Говорил бы, типа, потерял или завтра отдам. Ну а «завтра», как известно, никогда не наступает, потому что, когда оно наступит, это будет уже не «завтра», а «сегодня».

– Да уж знаю за тобой такую привычку. Ты все, что должен, прощаешь, – буркнул Филька, вспоминая, сколько его книг, кассет и вообще всякого барахла навечно кануло в бездонном столе у его прижимистого приятеля.

– И что теперь? Что сказал вам палач? – спросил вдруг Мокренко.

– Ничего хорошего. Намекнул довольно прозрачно, что припрется к нам этой ночью.

Губы у Петьки запрыгали.

– Зачем припрется?

– Да уж не на компьютере играть... Ах я, мусорный контейнер, тухлая яичница!

Филька снова начал было изобретать для себя подходящие наименования, но вовремя спохватился. Причем спохватился сразу по двум причинам: во-первых, от этого все равно не было бы толку, во-вторых, болтливый Мокренко мог кому-нибудь ляпнуть, что, мол, Хитров сам признавался, что он тухлая яичница, мусорный контейнер или шнурок от ботинка...

– Шнурок... – зачем-то повторил Филька это внезапно пришедшее ему в голову слово. – Шнурок!

– Ты чего? Какой шнурок? У тебя температуры нет?

– Может, и есть, а то чего бы этот шнурок у меня в голове все время вертелся? – сказал Филька.

– Да ладно тебе. Забудь ты об этом шнурке. Лучше давай думать, что мы сегодня ночью будем делать, когда этот мертвец за нами явится? Ты же слышал: ему ничего не страшно – ни кол, ни железный гроб – вообще ничего.

– Такого не может быть, чтобы ничего... Чего-то он все-таки боится. Есть нечто, от чего не спасет его даже черная простыня! – серьезно сказал Филька.

Он еще раз взглянул на смятые ксероксы, потом случайно скользнул взглядом по электрическому шнуру лампы и вдруг – все великие прозрения всегда случаются вдруг – закричал:

– Я понял! Понял! Веревка палача! Его веревка – та, что была у него на шее, когда он погиб! Если бы мы могли ее найти!

– Но почему веревка?

– Как ты не понимаешь, темный ты человек! На этой веревке был удушен безвинный!

Глава 6

ВЕРЕВКА ПАЛАЧА

Девочка Зиночка пошла собирать грибы, но грибов ей почему-то не попадалось. Тогда она набрала полную корзину камней и стала швырять их в бо-лото.

Внезапно со дна поднялся и лопнул большой пузырь воздуха. За ним еще один, еще. Бурление усилилось. Раздвигая ряску, на поверхность вынырнул черный угол полированного гроба с прилипшей к нему тиной и улитками.

Из гроба выскочил Желтый скелет.

– Ты меня разбудила! За это полезай в мой гроб и лежи тут вместо меня. Я же пойду бродить по свету и убивать людей! – сказал он.

– Хорошо, – сказала Зиночка. – Только выпей, пожалуйста, вначале болото, а то я лягушек боюсь.

– Глупая девчонка! Ладно, будь по-твоему!

Скелет расхохотался и стал пить воду из болота. Он пил, пил, а вода тут же вытекала у него из глазниц и из ребер. Скелет снова глотал ее, а она снова вытекала.

– А ты снизу пей! – посоветовала Зиночка. – Ляг на дно болота – вода сама тебе в рот и затечет! Только камней в гроб набери – потом все равно посуху выберешься.

Скелет набрал в гроб камней и пошел ко дну – пить болото, да только и остался навечно на дне.

*Зиночка же пошла домой, размышляя о лягушках, превратностях судьбы и туповатом скелете.
Правдивые истории про девочку Зиночку*

1

– Ну вы и суслики! И где нам отыскивать эту веревку? Сто лет уж прошло! – выпалила Анька. Едва она приехала, как ее миглом ввели в курс дела.

Видимо, Иванова проснулась не так давно, еще позже Фильки, потому как и теперь еще продолжала то и дело зевать. Зевки ее были столь заразительны, что Мокренко с Хитровым зевали вслед за ней. «И почему когда кто-то зевает – все зевают; а когда кто-то чихает – все чихают?» – думал Филька, давно уже сделавший это поразившее его открытие.

– В каждом городе есть, типа, место, где хранятся «вещдоки», – вдруг сказал Мокренко.

– Какие еще «вещдоки»?

– Вещевые, то есть вещественные доказательства. Типа, то, что было найдено на месте преступления и может помочь его раскрытию... Вот только где у нас в городе это место и пустят ли нас туда? Эй, ты куда? – воскликнул Петька, увидев, как Филька вскакивает.

– Я сейчас! Сейчас узнаю!

Не теряя времени, Филька бросился к телефону и позво-

нил своему деду – единственному человеку, который, как ему представлялось, знал все на свете. У Хитрова-деда было еще одно неоценимое свойство. Он никогда не задавал лишних вопросов: что да зачем. Не то чтобы он совсем был нелюбопытен – просто, как настоящий мужчина, уважал чужое право на секрет.

Дед, видимо, смотрел футбол, потому что, как фон разговора, долетали то монотонное бормотание комментатора, то подобные морскому шторму крики болельщиков.

– Ну давай отвечу, только по-быстрому. Два гола уж нашим вколотили, они все ушами прохлопали... – недовольно проворчал дед. – Нет, так долго вещдоки не хранятся. Лет тридцать, да и то самые важные. Остальные и того меньше... Куда мяч повел, балбес? Пасуй, тебе говорят! Во-во, молодец... Сто лет? До революции, что ль, еще? Ну ты загнул! Неа, в архиве смотреть бесполезно – их десять раз уж почистили, да и кто вас туда пустит, в архив? Загляни, что ли, в музей... Там, кажется, выставка была по следственному делу. Видел я ее как-то... Нет, что делает, ротозей, что делает! Зачем ты его вообще взял? Ах ты, шляпа с ручкой! – закричал вдруг дед, но это относилось уже явно не к Фильке.

– Ну, что твой дед сказал? – нетерпеливо спросил Мокренко, маячивший рядом во все время разговора.

– Сказал, что ты шляпа с ручкой! – серьезно ответил ему Хитров.

Челюсть у Петьки отвисла. Соображал он медленно, и его

явно поставило в тупик, зачем шляпе может понадобиться ручка.

– Какая шляпа? – забормотал он, но Филька уже бросился к дверям.

Музей был их последним шансом. Скоро наступит ночь, и тогда на старом кладбище под бесформенным надгробием со страшной надписью развернется земля.

Едва Хитров об этом подумал, как в ушах у него сам собой зазвучал булькающий хохот Красноглазого мертвеца...

2

Музей был еще открыт, когда, соскочив с автобуса, они подбежали к входу. Путь им преградила контролерша, похожая на льва, плохо прирученного, но завитого бигудями.

– Стоп, молодые люди! А билеты?

Это несложное требование ввело «молодых людей» в замешательство. Молодой человек Филька посмотрел на молодого человека Петьку, а тот в свою очередь уставился на Аньку.

Поиски по карманам ничего не принесли. У Хитрова с Анькой на двоих нашлось только девять рублей и еще две монетки по десять копеек. Каждый же билет стоил десять рублей – так что не наскребалось даже на один. У Петьки же, по его словам, вообще ничего не было.

– У меня, типа, карманы защиты, чтоб я руки не совал! –

смущенно пояснил он.

– Что, у вас вообще денег нет? А как же вы из дому вышли? – спросила контролерша.

– Так и вышли: ногами, – ответил Филька, соображая, что если они сейчас поедут домой, то наверняка не успеют вернуться до закрытия музея. Положение было аховое. С одной стороны, контролерша возвышалась точно неприступный бастион, с другой – поджимало время, а с третьей – ждал в земле своего часа мертвый палач.

– Эх вы, тетенька! – жалобно шмыгнул носом Мокренко. – Я, можно сказать, первый раз в жизни захотел, типа, к культуре приобщиться, а теперь не приобщусь.

– Билеты *потому что* надо покупать! – непреклонно заявила женщина-львица, особенно напирая на *потому что*.

– А без билетов? – спросила Анька.

– Без билетов не пущу. Не положено.

Петька Мокренко высоко вскинул голову. Подбородок у него задрожал мелкой благородной дрожью.

– Ладно, – сказал он глухо. – Не пускайте! Не пускайте меня! Не надо меня пускать!.. Только знаете, что я сейчас сделаю? Я сейчас выйду на улицу и у кого-нибудь украду, потому что у меня нет денег. Нигде нет. И дома нет. Меня схватят и посадят в тюрьму. И пусть хватают, потому что не я, а вы... вы во всем будете виноваты! Из-за вас жизнь моя пойдет насмарку! И тогда... тогда вам будет стыдно...

Подбородок Мокренко задергался еще сильнее. Зубы за-

прыгали чечетку, и слеза – прозрачная слеза невинного ребенка – пробежала по его бледной щеке. Петька стер ее и негнушными шагами направился к остановке. Определенно, воровать и попадать в неволю.

Филька и Анька Иванова в растерянности побежали за ним. Они никак не ожидали от толстого Мокренко такой глубины переживаний.

Но тут, чего совершенно нельзя было ожидать, львиное сердце растаяло. Непрístupный бастион рухнул, и контролерша, пыхтя, догнала их.

– Нечего на жалость давить. Марш без билетов, небось музей не рассыплется, – проворчала она.

Филька не поверил своим ушам:

– Вы нас пускаете?

– Только если увижу, что бумажки бросаете... – Львице неловко уже было, что она разжалобилась.

– Вы не думайте: вы не увидите! – восторженно обрадованный Филька.

– Что?! – нахмурилась контролерша.

– То есть я хотел сказать: мы не будем их бросать, – поспешил поправиться Хитров.

Все втроем – включая безутешного Петьку – приятели проскочили мимо растроганного бастиона и оттуда – по лестнице – устремились в прохладные, пахнущие вымытыми полами и пыльными шторами залы музея.

Тут Хитров остановился и недоверчиво уставился на

Петьку. Он чувствовал себя сбитым с толку.

– Ты того... здорово, конечно, что нас впустили... но ты правда собирался воровать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.